

СТИЛЬ

Уроки истории

Новая роскошь мебель

С момента кончины минимализма прошло уже несколько лет. За это время дизайнеров немного покидало из стороны в сторону в поисках новых ориентиров и наконец вынесло на твердую землю. Генеральной линией ближайших лет объявлена «новая роскошь».



Диван New Antiques от Cappelini (2005)



Стол Bieder от Zanotta (2005)



Зеркало Frame It! из коллекции Barock n'roll от Sawaya & Moroni (2005)

Не надо, однако, думать, что мебель теперь дружно покрывается позолотой и вензелями. Дизайнеры активно запускают руки в копилку истории, но избегают отсюда лишь идеи, а не готовые предметы. Роскошь в их интерпретации — это дворцовые интерьеры из диснеевского мультика. Доступно, ярко и современно.

Одним из первых вестников этого движения стал знаменитый Proust, придуманный Александром Мендиной еще в 1978 году. Разлапистое кресло с расписанными вручную барочными завитками из дерева и психоделической обивкой оказалось настолько популярным, что выпускается фабрикой Cappelini до сих пор. Точечный рисунок тоже во всю живет своей отдельной жизнью — на одежде ипотвором-человечков, созданных Мендиной для Alessi.

Показательно, что к историческому наследию обращаются марки и люди, от которых меньше всего этого ждешь. Скажем, упомянутая фабрика Cappelini известна как одна из самых продвинутых и экстравагантных. Большинство моделей настолько странное, что их легче представить в музее современного искусства, чем дома. Между тем в ее архиве не только кресло

Proust, но и совместная коллекция с Полом Смитом 2002 года, богатая пространственными и временными ассоциациями. Например, кресло M3301 воспроизводит классический пасторальный пейзаж, а на шкаф M2052 нанесен принт, изображающий стол с позолоченными резными ножками и мраморной столешницей (причем только половину — чтобы получить целую картину, нужно составить, как в пазле, два шкафа). В этом году Cappelini и вовсе разродилась целой коллекцией с говорящим названием New Antiques. Голландец Марсель Вандерс добавил к традиционным итальянским стульям и столам, выточенным из дерева, сиденья из тисненой кожи и столешницы из дымчатого стекла. Получилось вполне классично, но при этом весело и ненавязчиво. Присевшие в книжке столики и почти бестелесные диваны можно представить в интерьере любого стиля.

Другой вполне последовательный пропагандист классических реминисценций — голландский бренд Moooi (арт-директором у него служит, кстати, тот же Вандерс). Это не самая обычная компания, в послед-



Кресло Proust от Cappelini (1978)



Кресло и люстра из серии Smoke от Moooi (2002)

ние годы потеснившая Cappelini на пьедестале самых безумных и дизайнерских. При этом модели, обыгрывающие классику, у Moooi не шесть. Самые знаменитые — кресло и люстра из серии Smoke (2002 год). С виду — привет из викторианской Англии, по сути — технологическое чудо. На фабрике, славящейся своей любовью к необычным материалам, придумали изготовить эти предметы из обожженной древесины, обработанной эпоксидной смолой. Жизнь таким вещам обеспечена чуть ли не вечная. Немало неожиданностей скрывает в себе и скромный старомодный светильник Kairo (2001 год): основание у него не металлическое, как кажется, а стальное, и кроме прямых обязанностей

по освещению пространства он занимается тем, что очищает воздух. Не обшла любимую тему фабрика и в этом году. Стол Two Tops, придуманный самим арт-директором, как водится, с секретом. Если откинуть верхнюю столешницу, он превратится в типичный секретер эпохи рококо, только вместо чернильницы и бумаги в потайном отделении можно хранить ноутбук. Комод Beck, названный по имени дизайнера Пита Бека, производит впечатление солидной дубовой вещи с классическим цветочным орнаментом, но верить глазам нельзя — комод сделан из стали с напылением. В зеркало Me? очень напоминающие своих предков времен классицизма, лучше и вовсе не заглядывать. Естествен-



Кресло Louis Ghost от Kartell (2004)



Светильник Flames от Moooi (2003)

ной реакцией на увиденное в выпуклом стекле и в самом деле будет восклицание: «Я!»

В последнее время классицистические формы начали мелькать и у знаменитого производителя пластиковой мебели Kartell. Это направление привнес в его коллекции «убийца дизайна» Филипп Старк. В данном случае расхоже определение абсолютно оправданно. Создан серию Ghost (изначально она была придумана для оформления отеля, но позже встала на поток), Старк вытопил классические образцы, оставив от пухлых и пышущих здоровьем стульев и кресел лишь бледные призраки. Charles, Louis и Victoria Ghost — это прозрачные или цветные модели из поликарбоната, повто-



Стол Two Tops от Moooi (2005)



Люстра Anastasha от Terzani (2005)

ряющие контуры мебели XVII–XVIII веков. Единственное излишество, которое позволил себе Старк, это разнообразные принты с человеческими лицами на спинках. Например, стулья Louis Ghost выпускаются с детскими мордашками и тревожными масками. Как и другие совместные проекты Kartell и дизайнера, «призраки» быстро стали популярными. Секрет прост: при относительно гуманной стоимости они тянут на произведения искусства и очень непривередливы в выборе окружения. Прозрачные пластиковые копии кресел Людовика XV не потеряются в современном интерьере и добавляют свежую струю в музейное пространство, оформленное в стиле оригинала.

Старк не всегда так радикален. Если линия Ghost — это намек на прошлым, то стулья Von и Peninsula — дань уважения. Конкретных прототипов нет. Как утверждает сам создатель, он обращался к «коллективной памяти» мебели. Бук с отделкой под красное дерево или вишнею, как пони — никакого пластика и экстремизма, напротив, типичный «буржуазный шик». Об этом же, как это часто бывает со Старком, были созданы под конкретный интерьер (одноименных ресторана и отеля), но спустя некото-

рое время стали доступны и широкой общественности. Их выпускает принадлежащая дизайнеру марка XO.

Аккуратно, но без излишней робости обращается с прошлым старожил итальянского дизайна Zanotta. Она не стремится создать современный коктейль на основе классических ингредиентов, идея марки — адаптировать музейные экспонаты к нашей действительности. Диваны и стулья Bagocco (2003 год) — роскошный и вполне серьезный пример барочного стиля, однако лишенный чуждой XXI веку вычурности и тяжеловесности. В отличие от оригинала такой диван функционален и прост в обращении: хромированные ножки и стальная рама надежны и долговечны, наполнитель из нейлона гипоаллергенен, съемный чехол из кожи или ткани можно почистить, а то и вовсе поменять. Новинка этого сезона, стол Bieder — почти дословная цитата из стиля бидермайера, однако тоже перепетая на новый лад: ножка не объемная и деревянная, а плоская и стальная, столешница же может быть выполнена в самых разных цветах. Другой стол, Dessouschic, идейно близок старковским призракам. Воспроизведя силуэт классического стола в плоскости и очистив его от излишеств, дизайнер Ноэ Лоуранс как бы обеспокоил его, превратил из реально в иллюзорный. «Мой стол — это не предмет роскоши, — объясняет дизайнер, — а лишь намек на нее».

Кстати, прием, который использует Zanotta, весьма популярен среди производителей светильников. Превратить многоярусную хрустальную люстру с тысячей подвесок в ее демократичную имитацию, вырезанную из пластика, стекла или металла, — очень модная история. Примеры можно искать в последних коллекциях

известных фирм: Ginetta у Slamp (дизайн Найджела Коатца), Milleseclci у Solzi Luce, Anastasha у Terzani и т. д.

Впрочем, не все дизайнеры идут по пути упрощения классических прототипов. Вильям Савайя из Sawaya & Moroni не только не постеснялся открытой роскоши барокко, но и усугубил ее, доведя до стадии китча. Его коллекция с говорящим названием Barock n'roll — это совершенно безумный коктейль из классических мотивов и примет XX века. Резное дерево и плексиглас, позолота и неоновые цвета, грифоны и строгая геометрия. Этому пишеству цветов, материалов и орнаментов позавидовал бы сам Людовик XIV. Под свою коллекцию обычно немногословный Савайя подвел целую идеологическую базу: «Мои раскопки в прошлом не имеют привкуса ностальгии, не покрыты пылью времен и не побиты молью. Это абсолютно актуальные вещи, выражающие дух времени. В них нет искусственности постмодернизма, идеи приходят не от ума, а от сердца. Барокко — это не исторический период, это движение и эстетическая тенденция. Это ощущение и способ интерпретации действительности через призму истории, о которой у каждого из нас свое представление».

Словом, несмотря на отклонения в деталях и подходе, рецепт dolce vita. И сам он, похоже, освоился в роли экспериментатора и алхимика, выпустив три года назад icy diamonds, матовые бриллианты, про которые, впрочем, быстро забыл под предлогом того, что «матовые бриллианты крошатся и работать с ними очень трудно».

Два года назад другой неутраченный изобретатель и яркий креативщик наших дней — дом Chopard — выпустил коллекцию Golden Diamonds. Феша коллекция заключается в том, что кусок золота здесь ограничен как бриллиант и в таком необычном виде является центральным элементом украшения. «Золотой камень» в свою очередь, окружен самыми настоящими бриллиантами. Рокировка замечательная, ведь от переноса мест драгоценных сумм не изменилась — вещи Golden Diamonds необычайно дороги.

В коллекции Golden Diamonds есть и другие, кажется, эпохальные украшения. Это массивные кольца, сделанные из самого обыкновенного матового пластика с наверхнем в виде «золотого бриллианта». Примечательно, однако, что эти экспериментальные украшения никого не смуща-

Драгоценное притворство

Новая роскошь украшения

Понятие «фамильные драгоценности» теперь нужно оставить антикварам. Они попрежнему разыскивают чей-то чужой Картье 1925 года, чтобы поместить в музей или выставить на аукцион. Современные драгоценности носят сезонный характер — они бывают летними и зимними. К тому же драгоценности не хотят даже и выглядеть драгоценными. Они притворяются бижутерией.

Обесцениваться драгоценности начали сразу же после второй мировой войны. Конечно, они не теряли в буквальном смысле — цены на алмазы и изумруды меняются не слишком заметно для клиента. Драгоценности потеряли в статусе.

Последней великой эпохой для ювелиров были 1920–1930-е годы. Тогда визит махараджи в бутик Boucheron на Вандомской площади не воспринимался как нечто сказочное. Толстый махараджа с двумя сундуками изумрудов и сапфиров на пороге — выгодный клиент, имеющий, что немало важно, родословную. Персонаж немного экзотичный, конечно, но только потому, что слишком толстый, и потому, что просит сделать пояс из чистого золота.

В 20–30-е никого не удивляли набеги голливудских див на бутики Harry Winston или Mauboussin, их капризные прихотливые истерики при выборе камней и скандальные споры с дизайнерами. Позиция Шанель, состоявшая в том, что нужно носить бижутерию, воспринималась как модная, но не как стильная. Это мы сейчас думаем о той самой Chanel, что это стиль с большой буквы — в 20–30-е это было только модой.



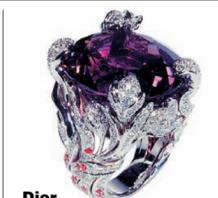
Dior

Но и украшения ар-деко, будучи самостоятельными в художественном отношении продуктами, еще несли на себе отпечаток других, куда более величественных эпох — эпохи Наполеона, эпохи Второй империи и Наполеона III, его жены императрицы Евгении и великодушных куртизанок, описанных Бальзаком, в конце концов, эпохи царской России. Все помнили, кто спас от рук грабителей первого консула Бонапарта — это был Мари Этьен Нито, чья заштанная ювелирная лавка в одночасье превратилась в ювелирный дом Chaumet, поставщика всех королевских особ и аристократов Европы и олигархов царской России. Все помнили, какая именно особа открывала в 1903 году бутик Boucheron на Кузнецком мосту — это была императрица Александра Федоровна, главная русская поклонница Boucheron (любившая также и Cartier, и Chaumet). В эпоху ар-деко еще был жив, хотя и сильно обеднев, великодушный playboy князь Феликс Юсупов, прославивший все три ювелирных дома в своих легендарных мемуарах. Были живы многие европейские королевские фамилии, равнение на которые по привычке держали ювелиры. А прочие граждане



Dior

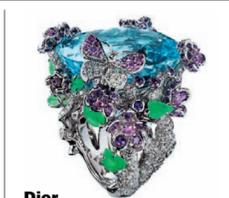
на Вандомскую площадь и рю де ла Па, и не заглядывали. После войны многие дома закрылись, имена некоторых ювелиров, гремящих в 30-е, сейчас уже никто не вспомнит. В 60-е пришли новые буржуа, сделавшие деньги и в период консервативных и осторожных 50-х. Буржуа загребали себе шика, но это был уже совсем другой шик. Важно было показать денежную стоимость, инвестировать в свой личный, а не в фамильный статус. Деньги, на которые обменивались драгоценности, были либо совсем свежими, только что сделанными, либо чудом сохраненными в войне, а потому все равно заново сколоченными. Единственным аристократическим оплотом той поры было либушское Княжество Монако. Это понимал Онассис, по-



Dior

слухам и устроивший «брак века» — Ренья III Гримальди и Грейс Келли. Надо же было Европе иметь хоть какой-то аристократический заповедник, где еще несут унаследованные жемчуга!

Украшения или ювелирные часы 60-х — это драгоценности в виде товара. Ассортимент, яркая витрина, подсвеченный электрической лампочкой ценник. Но приманки, увя, стремительно обесцениваются. Какие бриллианты, сапфиры, изумруды, рубины можно сочетать с мини-модой Мари Куант, сплывшими из полистера и капрона? Вот уже и Mauboussin, чьи вещи ар-деко вошли в учебники по ювелирному искусству, вынужден изготавливать презентационные подарки, которые преподносят иностранным гостям французские государственные чиновники. Вот и Джина Лолобриджида легко меняет свои Piaget на командирские часы Фиделя Кастро — завтра эта история попадет в газету. Жалко ли актрисе часы? Piaget, несомненно, делает новые — товар! За «Завтрак у Тиффани» можно все отдать: роман Трумена Капоне — демонстрация благородной марки как товара, знака общественного статуса. В Европе то же самое, на пальце Chaumet, муж — врач,



Dior

машина D19 Citroen, детей нет. Тут Ролан Барг подоспел со своей семиотической «Системой моды», где всем объяснил, знаком чего являются мини, макси, миди, а также все, вместе взятые, модные журналы.

В 70-е украшения как таковые вообще покинули пределы моды, а модными стали камни. «Плавающий» Harry Diamonds от Chopard — это, конечно, несколько комический акцент на камни. Но ведь был и мощный аккорд десятилетия — выпущенные в 1979 году часы Kallista Vacheron Constantin с 259 бриллиантами (много лет оставался рекордным общий вес камней — 155 г; часы стоили \$5 млн).

Ставка на камни выглядела новым поворотом в ювелирном бизнесе. Раньше всех это понял британский ювелир Лоуренс Графф, владелец копей в ЮАР, открывший ювелирное дело и бутики под вывеской Graff. Лоуренс Графф и сегодня любит повторять, что «дизайн не значит ничего, а все решает именно камни». Ставка на камни выглядела настоящим классическим, именно поэтому и сегодня Лоуренса Граффа воспринимают не иначе как «молчаливого рыцаря камней», родоначальника целого направления. О нем говорят как об истин-



de Grisogono

ном ювелире и часто противопоставляют многочленным остальным, «неистинным», то есть тем, кто занимается в первую очередь дизайном.

С «уникальными» камнями нужно было что-то делать, нужно было как-то бороться. В 80-е, когда главным драгоценным камнем стал сапфир (его в 1981 году ввела в моду принцесса Диана), расцвела особая рода бижутерия, ориентированная именно на подделку больших и ярких камней. Больше всех преуспел в этом деле американский дизайнер Кеннет Джей Лэйн (его украшения носили героини сериала «Династия»). Фальшивый «королевский бриллиант» — сапфир в обрамлении фальшивых бриллиантов — фирменное украшение Кеннета Джей Лэйна.

В 90-е ювелирам пришлось совсем туго. Экономика, экология, минимализм, гранж. Фавз Гроузи, основатель дома de Grisogono, нашел почти гениальный выход из положения. Он наладил выпуск кутюрных украшений с черными бриллиантами, которые долгое время и за стоящие камни никто не держал. Очень дорого, но, заметьте, очень незаметно. Драгоценная скромность за большие деньги. Публика увидела в этом «сумрачный» шик, эсхатологи-



de Grisogono

ческий шик, а самого Гроузи провозгласили певцом новейшей dolce vita. И сам он, похоже, освоился в роли экспериментатора и алхимика, выпустив три года назад icy diamonds, матовые бриллианты, про которые, впрочем, быстро забыл под предлогом того, что «матовые бриллианты крошатся и работать с ними очень трудно».

Два года назад другой неутраченный изобретатель и яркий креативщик наших дней — дом Chopard — выпустил коллекцию Golden Diamonds. Феша коллекция заключается в том, что кусок золота здесь ограничен как бриллиант и в таком необычном виде является центральным элементом украшения. «Золотой камень» в свою очередь, окружен самыми настоящими бриллиантами. Рокировка замечательная, ведь от переноса мест драгоценных сумм не изменилась — вещи Golden Diamonds необычайно дороги.

В коллекции Golden Diamonds есть и другие, кажется, эпохальные украшения. Это массивные кольца, сделанные из самого обыкновенного матового пластика с наверхнем в виде «золотого бриллианта». Примечательно, однако, что эти экспериментальные украшения никого не смуща-

ли и не удивили. Честные пластмассовые драгоценности.

Другим путем идет талантливый дизайнер ювелирной линии Diog Виктор де Кастелья. Она, вдохновленная, по ее же собственным словам, сказочными садами Версаля, делает гигантские кольца из самых настоящих камней (чаще всего различных разновидностей топаза) и золота.

Размеров своих действительно циклопических произведений Виктор де Кастельян ничуть не стесняется, а в вопросах эстетики активно ссылается не только на отца-основателя, изобретателя «женщины-цветка» Диора, но и на американское ювелирное искусство 40-х. Вообще, 40-е, о которых мы специально ничего не сказали, одно из самых интересных десятилетий прежде всего для американских ювелиров. 40-е — вовсе не черная дыра бедности и не только нейлоновые чулки по карточкам.

Тогда стыдно было выглядеть богатым, но как хотелось! Хотелось хотя бы для себя. Поэтому в 1940-е многие американские дизайнеры выпускали «драгоценную бижутерию», вещи, сделанные из самых настоящих драгоценных камней и золота, но такие невозможные, такие огромные, такие беспредельные и китчевые, что за истинные украшения их принял только безумный.

Итак, драгоценное под видом фальшивого. Как можно еще более жестоко наказывать женщину, предложив ей скрыть свои любимые драгоценности под личиной дешевого «блужу»? Только предложив ей носить кольца из пластмассы.

ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА